

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО

“КАЛИНИНГРАДСКИЙ ТРАНЗИТ” ПОЭТА ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Одно из глобальных исторических событий в мировой истории XX века – Карибский кризис, начавшийся в 1962 году. Когда кризис был разрешён путём переговоров двух стран – СССР и США, – был сформулирован итог стратегической операции, получившей название “Анадырь”: предотвращена угроза термоядерной войны, Куба защищена от агрессии со стороны США, с границ СССР НАТО убрала ракетные базы из Турции и Италии, возрос авторитет СССР как мировой державы. Прошло 52 года, и это является поводом, чтобы вновь обратиться к теме Карибского кризиса, к тем напряжённым дням, участником которых был один из классиков русской поэзии – Ю. П. Кузнецов.

“Летом 1962 года в нашу сибирскую часть пришла секретная директива: отправить лучших специалистов в неизвестном направлении. Лучшим я не был, я только что окончил учебный взвод, но командир решил от меня отделаться, невзлюбив за стихи. Хорошим специалистом я стал потом. В Белоруссии мы были сформированы, отправлены в Балтийск, переодеты в гражданское платье. В час отправки мы были выстроены, и перед нами, взяв под козырёк, прошёл адмирал. Он знал, на что мы идём, и отдавал нам последнюю честь”, – так вспоминал поэт в 1990 году о своей отправке на Кубу в период Карибского кризиса – связиста ВВС, начинавшего свою службу в Чите.

* * *

*Я помню ночь с континентальными ракетами,
Когда событием души был каждый шаг,
Когда мы спали, по приказу, нераздетыми,
И ужас космоса гремел у нас в ушах.*

25 октября 1962

В переброске оружия и воинских формирований на Остров свободы, где была сформирована Группа советских войск на Кубе, участвовали Балтийский, Северный и Черноморский флот. С марта 1962 года советские корабли начали доставку на остров танков, истребителей МиГ-15 и МиГ-19, радиолокационных установок, военных специалистов. Только с 15 июля по 15 октября 1962 года на Кубу было доставлено более 260 тысяч тонн грузов: боевой техники, горючего, продовольствия, строительных материалов, более 43 тысяч военнослужащих, каждый из которых проходил специальный отбор. Среди этих 43 тысяч военных был и Юрий Кузнецов. Его путь на Кубу проходил на борту сухогруза “Балтийск”, отправившегося с базы в августе 1962 года. Адмирал, отдававший честь перед погрузкой, – Г. С. Абашвили, вице-адмирал, заместитель командующего по ВМФ.

Главная военно-морская база Балтийского флота в Балтийске была переведена на режим повышенной боевой готовности. В первую очередь для перебрести использовались суда вспомогательного флота. Теплоход “Волголес”, например, доставил на Кубу 213-й истребительный авиационный полк. На борту теплохода “Николаевск” было переброшено 40 машин МиГ-21 и 6 — МиГ-15; 167 офицеров, из них 57 лётчиков, 244 человека рядового состава. На теплоходе “Мария Ульянова” были переброшены подразделения 51-го ракетного дивизиона. “Во время Карибского кризиса, — вспоминает житель Балтийска Н. И. Евдокимов, — всё проходило под знаком секретности. Болтать не позволялось. Нам всем оформили допуск по форме № 1. Грузили самолёты, ракеты — на транспортные суда. Некоторые из них не по одному разу сходили на Кубу. Работали не по 8 часов, а столько, сколько было необходимо. Люди моего возраста — не чета нынешнему поколению, отличались патриотизмом, никто не роптал и не ныкал. Работа сутками никак на зарплате не сказывалась. Доплачивали только в том случае, когда была свободная вакансия. Например, нужно было два крановщика, а я работал один, мне доплачивали. Единственное, что нужно отметить, это усиленный паёк питания, централизованно, всем!”

Вспоминает житель Балтийска А. К. Маркевич: “В начале 60-х годов в Балтийской ВМБ был сокращён охранный батальон. Эти площади, которые позже займёт бригада морской пехоты, освободились для подготовки ракет на Кубу. Подготовительные работы велись только ночью. Ракеты возили на машинах, у которых колесо выше моего роста. Танкера на Кубу готовились в основном на 33-м судоремонтном заводе, загружались в военной гавани. Бригада сварщиков работала там, неделями не бывая дома. Ракеты маскировались под сельскохозяйственную технику. Помню, как экипаж одного танкера после возвращения с Кубы, попав в шторм, прибыл в Балтийск в тяжелейшем состоянии. Люди не могли уже ходить, только лежали, их прямо с танкера отвозили на машинах в госпиталь”.

Поэт Юрий Кузнецов ничего не написал о Балтийске, ведь, оказавшись на площадке погрузки, личный состав уже не имел права выйти за её пределы. Прерывалась любая связь с внешним миром: ни писем, ни телеграмм, ни телефонных разговоров. Эти жёсткие меры предосторожности распространялись не только на военнослужащих, но и на экипажи судов, включая капитанов. Трюмы заполнялись людьми доверху. Почти месяц перехода через Атлантический океан им было суждено находиться в раскалённой стальной коробке. Верхнюю часть трюма переделывали под казарму. По стенам крепили нары для 350 солдат и сержантов. Осуществлялась посадка на суда в полной темноте, скрытно. Такого количества людей для закрытого и не приспособленного помещения было слишком много. Иные в пути заболели, кто-то падал за борт.

“Итак, — рассказывал поэт Юрий Кузнецов, — мы погрузились в трюм грузового судна и вышли в открытое море. Это был август. За три дня на подходе к Острову свободы нас облётывали американские самолёты, пикировали прямо на палубу, словно обнюхивая. Я был наверху и всё это видел своими глазами. Видел американский сторожевой корабль. Он обошёл <нас> вплотную, слева направо и скрылся. Спали, засунув карабины под матрас, обожмы в головах. Шалила военная хунта. Нечто вроде контры. В самую высшую точку кризиса в ночь с 25 на 26 октября я дежурил по связи. Канал связи шёл через дивизию ПВО в Гавану. Я слышал напряжённые голоса, крики: “Взлетать или нет, что Москва? Москва молчит? Ах, мать так, так!”. Такого мата я не слышал после никогда! Ну, думаю, вот сейчас начнётся. Держись, земляки! Самолёты взлетят, и ракетчики не подведут. Помирать, так с музыкой!”

* * *

*С тех пор о славе лучше не мечтать
С закушенными внутри губами,
Забывать о счастье и молчать, молчать —
Иначе не решит воспоминаний.*

25 октября 1962 года

“Забывать о счастье и молчать...” — как рассказать то, что открылось в напряжённейший период мировой истории... Невыразимо. Потом, когда кубин-

ский кошмар остался во времени, в зрелом творчестве появилось это кузнецовское ощущение вселенского катаклизма. Но уже на Кубе в 1962 году “представленья” о мире подверглись реконструкции:

*Да, вот сейчас, когда всего превыше
Ракет континентальные штывки,
Все наши представленья и привычки
Звучат, как устаревшие стихи.*

Два года проходил службу на Кубе Юрий Кузнецов. Проживание в палатках или в машинах с металлическими фургонами. Духота нестерпимая, но терпели. Металлические фургоны за день так раскалялись, что и ночью находиться в них было испытанием, кроме того, ночью набрасывалась мошкара. Но нужно было держаться. За год в дивизионе погибло 35 человек, и всё из-за технических аварий. Поэт тосковал о доме, слушал новости из СССР. Страна демонстрировала прорывы в космос:

*Машинам века доверяя слепо,
Мы гоним их за роковой предел.
Любуемся звездой, упавшей с неба.
А может, это космонавт сгорел!*

“На Кубе меня угнетала оторванность от Родины, – писал Ю. Кузнецов. – Не хватало того воздуха, в котором “и дым Отечества нам сладок и приятен”. Кругом была чужая земля, она пахла по-другому, люди тоже... Русский воздух находился в шинах наших грузовиков и самоходных радиостанций. Такое определение воздуха возможно лишь на чужбине. Я поделился с ребятами своим “открытием”. Они удивились: “А ведь верно!” – и тут же забыли. Тоска по Родине была невыразима.

После армии я возвратился в родной воздух, и всё стало на свои места. Я открыл русскую тему, которой буду верен до гробовой доски...”

“Кубинский дневник” Кузнецов начал писать лишь в последние три месяца своего пребывания на Кубе: июль, август, сентябрь 1964 года. “Я мало писал и как бы отупел”, – говорится в “Дневнике”.

*Я лежу на жёстком одре из досок,
Неуютный кулак подогнав под висок.
В кулаке, словно нитка, зажата струя —
След на Родину, пенный путь корабля.
Как ревет он под ухом, как дышит бедой,
Тот натянутый в сумерки путь молодой!
А когда, наконец, засыпаю — кулак
Разжимается. Нить обрывается. Мрак.*

Это стихотворение датировано поэтом 1964 годом. Немного было написано, но эти два года сыграют свою роль в дальнейшем творчестве поэта. Написано немного, а передумано много, и что-то из осмысленного вылилось в его короткий дневник. А всё остальное – в его поэтические сборники. В 1969 году в стихотворении “Ночь” он напишет:

*Я знаю, что среди мыслей
Такие вдруг выпадали,
Мне лучше б не видеть света
И жизни вовек не знать!
Четыреста карабинов
В своих пирамидах спали.
Один карабин не выдержал,
Забился и стал стрелять.*

Никто из современников поэта – ни А. Вознесенский, ни Е. Евтушенко, ни Н. Рубцов – никто из них даже представить себе не мог того, что выпало пережить Кузнецову. В советское время не принято было распространяться об участии в локальных конфликтах. Только в 1990 году, снимаясь в фильме “По-

эт и война”, он рассказал о своём участии в Карибском кризисе, а затем коротко — в “Воззрении” в 2003 году.

Николай Гумилёв, когда в октябре 1914 года окунулся в события Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии (сегодня Краснознаменский район Калининградской области), тоже почти не писал стихов, только “Записки кавалериста”. Но позже он назвал свои первые дни на войне “священными” и начал писать стихи, наполненные христианским содержанием. Некоторые критики не поняли тогда Гумилёва, поскольку и не может этого понять не сидевший в окопах. Ведь там, как говорят, атеистов не бывает. В последний период творчества и у Кузнецова было достаточно критиков, не принимавших его христианскую тематику, его вселенскость:

*Вместо рук над моей головой
Вижу звёздную млечную сетку.
И роняет на купол живой
Белый голубь зелёную ветку.*

(Новое небо. 1982 год)

Кузнецов так оценивал своё участие в Карибском кризисе: “Куба рано дала мне два преимущества. Первое: моя человеческая единица вступила в острую связь с трагической судьбой всего мира, я напрочь лишился той узости, которую называют провинциализмом. Второе: чувство Родины с большой буквы. Ностальгия необычное чувство. Родина была за 12 тысяч километров, а притягивала к себе, как гигантский магнит. Я понял тогда, что я русский. Я честица России, и она для меня — всё”.

Возвратившись на Родину, лишённый “узости провинциализма”, он вскорее понял, что в какой-то степени приходится примерить на себя образ трамвая, идущего по пути проложенных рельсов, оказаться “в стенах, за которыми новые стены”. Поэт выбрал путь творческого строения и созидания “большого времени”, “соразмерного человеку во всей полноте его человеческого бытия” (В. Фёдоров). Он поставил себе сверхзадачу: “сфокусировать” “рассредоточенного” богатыря, что и делал в своих стихах.

* * *

*Я знаю, где-то в сумерках святых
Горит моё разбитое оконце,
Где просияет мой последний стих,
И вместо точки я поставлю солнце.*

Ю. Кузнецов, 1998

В Калининграде живёт член Союза писателей России, талантливая единица кузнецовской школы, поэт Светлана Супрунова, участница афганских и таджикских событий. Один из её сборников стихов называется “Афган”. В 1985 году по направлению военкомата она уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте имени Горького на заочном отделении. Здесь она и познакомилась со своим учителем, в творчестве которого тема Афганистана также нашла своё отражение: вспомним хотя бы его стихотворение “Афганская змея”.

“Я некоторое время занималась в творческом семинаре Юрия Кузнецова, — рассказывает Светлана. — Его энергетика как учителя и наставника была велика и определялась, в первую очередь, самой личностью поэта и его стихами, которые мы читали, перечитывали и знали наизусть. В Калининградском университете моя дипломная работа называлась: “Балладные формы в лирике Ю. Кузнецова”. В моей памяти Юрий Поликарпович запечатлелся с неизменной “беломориной” — часто курил прямо в коридоре. И помню его особый почерк, чуждый скорописи, где выводилась полностью каждая буква”.

Светлана Супрунова обратилась к своему преподавателю с просьбой об интервью, которое было опубликовано в университетской газете*. Кузнецов рассказал о Тютчеве как о поэте, к которому влечёт его философская сторона

* Калининградский университет. Литературная страница, выпуск 161. — 2003, 15 декабря, № 33. С. 1–4.

творчества: “Мне близко его ощущение вечности, стихийной катастрофичности бытия, выраженной в иноказательной форме. Я такой же преданный славнофил, как и Фёдор Иванович”. “Нравственное начало, – продолжал поэт, – должно быть ведущим и вызывать определённый эстетический эффект. Хорошо сделанное стихотворение, содержащее нравственное начало, никогда не повлечёт за собой каких-либо отрицательных эмоций”. На вопрос, в чём состоит душа русской поэзии, он ответил: “Её душа всегда была чувствительной и ранимой, она постоянно откликалась на житейский неуют и дисгармонию. Это испокон веков было её неотъемлемым свойством. Муза мести и печали всегда посещала её и не давала покоя. Современная поэзия многогранна, так как душа её воспринимает бытие под различными углами зрения”.

Научным руководителем дипломной работы Светланы Супруновой, когда она заканчивала Калининградский университет, был А. З. Дмитровский, доктор филологических наук. Среди его многочисленных трудов есть работа “Жанр параболы в лирике Ю. Кузнецова”, где предметом его анализа стали стихи “Рыцарь”, “Кто здесь хозяин?”, “Разговор глухих”, “Тегеранские сны”, “Я помню, как в дом возвратился...”, которые он относит к простейшей форме лирической параболы. К параболе-притче учёный относит “Атомную сказку”, “Сказку о золотой звезде”, “Сказку гвоздя”, “Русскую бабу”, “Простоту милосердия”, “Поездку Скобелева”, “Вестника” и другие. К наиболее сложной и многообразной форме лирической параболы относится миф, “где господствует пафос романтики, драматизма, трагизма, а сюжет, как правило, романтический – “Мужик”, “Змеиные травы”, “Колесо”, “Голос”, “Бочка”, “Полёт”, “Видение”, “Портрет учителя”. “Крупнейший русский поэт, – говорит Дмитровский, – он запечатлел рефлексию величия и трагизма русского характера, и уникальности русской судьбы в ключевых ассоциациях современности и родной истории, вечных тем и повседневности, причём в поэтической образности... Он вызывал к себе разное отношение читателей, но его могучий талант, его особая “тайная свобода” в наследовании отечественной классике и фольклору, в конечном счёте, пребывали выше всяких споров. В золотом фонде отечественной словесности также навсегда останутся его поэтический перевод “Слова о законе и благодати” и поэмы-переложения по евангельскому сюжету”.

Алексею Захаровичу не довелось встретиться с Юрием Кузнецовым, который не забывал о Калининградской области и об университете, его филологическом факультете. Дмитровский рассказывает: “Поэт отметил автографом книгу для нашего факультета “Избранное: Стихотворения и поэмы”, дата 17.05.94. Он передал свою личную авторучку – своё Перо. У нас на факультете стихи Юрия Кузнецова в постоянной работе, в специализации по сравнительной поэтике литературных жанров”.

Как драгоценную реликвию хранит у себя Алексей Захарович авторучку Кузнецова и сборник стихов с надписью “Алексею Захаровичу Дмитровскому на добрую память. Ю. Кузнецов”.

Память о Кузнецове в Калининграде добрая. Здесь помнят, что “нельзя читать стихи, как газету”. Калининградская область, отделённая границами от большой России, может быть, глубже и острее чувствует слова о том, что “в наше прозаическое время остался один богатырь – русский народ”, что человек в творчестве поэта “равен народу”. Исполинской величины сознание Юрия Кузнецова вместило в себя вселенскую историю, живое единство предков и потомков, для которых с Куликова поля поэт

*Рваное знамя победы
...вынес на теле своём.
...вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.*